

Хань Чжан тревожился вовсе не на пустом месте. Между кланами Хань и Ло, конечно, не было кровной вражды, но за долгие годы накопилось столько противоречий, что стоило только семье Ло получить хоть каплю власти, как род Хань тут же оказывался в незавидном положении.

При упоминании помолвки с барышней Сун морщинистое лицо дедушки Хань тоже омрачилось.

— Дедушка как раз хотел тебе сказать, управляющий Сун уже завершил помолвку с семьей Ло, выкуп и брачный контракт переданы...

Бабушка Хань, не в силах сдержать негодования, фыркнула:

— Управляющий Сун ведь явно присматривался к нашему Далагэ, и талантом, и лицом тот ученый Ло ему и в подметки не годится!

— Да только этот пройдоха Ло Ин умеет языком молоть, подговорил барышню Сун тайными встречами, вбил ей в голову, что она должна выйти только за него, вот и уплыла выгодная партия к Ло.

В этих словах была чистая правда, ведь по уму и внешности оригинал с легкостью затмевал ученого Ло. Вот только соперник его превосходил в сладких речах, тогда как оригинал, подобно неотесанному чурбану, не понимал никаких романтических тонкостей, отчего и проиграл эту битву. А управляющий Сун, будучи мелким помещиком, являлся на данный момент самой завидной партией, до которой семья Хань могла дотянуться. И теперь, когда добыча ускользнула, бабушка Хань не столько злилась, сколько тревожилась.

— Говорят, у управляющего Сун есть двоюродный брат, чиновник шестого ранга, служащий в Императорской академии, — продолжала она, нервно теребя край платка. — Как только Ло Ин женится на барышне Сун, он пусть и не сможет учиться в самой академии, но получит доступ к ее библиотеке. А когда у нашего ученого Ло появятся лучшие наставники и книги, а у нашего Далагэ их не будет, он на будущих экзаменах так оторвется, что нам его не догнать... что же нам делать...

Почему же в древности беднякам так трудно было выбиться в люди?

Неужели из-за низкого интеллекта? Разумеется, нет. Вся соль крылась в том, что высшие классы монополизировали знания, и без должных ресурсов и книг даже гений канул бы в безвестность. Именно поэтому Хань Чжан ничуть не осуждал стремление оригинала к «мягкому рису».

В древности такие браки по расчету, когда бедный ученый женился на богатой невесте, считались вполне нормальным явлением и типичной брачной сделкой. Более того, многие знатные семьи сами выискивали талантливых бедняков, выдавая за них дочерей или гэров в качестве инвестиции. Главное было не наглеть, и этот путь сулил отличные перспективы. А у

Хань Чжана кожа на лице была толстой, так что он совершенно не возражал.

Хань Чжан мягко улыбнулся, разглаживая морщинки на лбу бабушки:

— Бабушка, пусть семья Ло перехватила партию с Сун, в столице куда больше знатных людей, чем звезд на небе. И талантом, и лицом я куда превосхожу ученого Ло, раз он смог соблазнить барышню Сун, неужели мне не найдется покровителя, который оценит мои достоинства? Раз уж жениться по расчету, так только на лучших. Родственник управляющего Сун служит чиновником, но не он сам, что может сделать для меня мелкий помещик? Мне по душе гэры, и моими целями станут сыновья чиновников или богатых купцов.

Первые помогли бы карьере, вторые, несмотря на низкий статус, компенсировали бы это звонким золотом. Приходилось выбирать между лицом и кошельком, и хорошо бы урвать хотя бы одно.

Дедушка Хань задумчиво погладил бороду:

— В твоих словах есть резон, Далагэ, да только беда в том, что к сыновьям чиновников и купцов у нас нет ни малейшей тропинки, а семья Сун - это максимум, до чего мы можем дотянуться. Или, может, у тебя уже есть кто-то на примете?

Разумеется, нет.

Он переселился в это тело только вчера и был так занят изучением чужих воспоминаний, что ему было совершенно не до размышлений о женихах. Но это не мешало ему строить воздушные замки. Он обладал и способностями, и внешностью, выглядя как ходячая золотая жила, и раз уж какой-то Ло Ин смог найти богатого тестя, неужели он, Хань Чжан, не сыщет зоркого покровителя? Человек должен мечтать, и неважно, сбудется ли мечта, хуже всего жить без нее вовсе.

Поэтому Хань Чжан уверенно кивнул:

— Дедушка, не извольте волноваться, насчет моей женитьбы я все обдумаю сам и уж точно не уступлю этому пройдохе Ло Ину. А сейчас наша главная задача - подготовиться к давлению со стороны клана Ло, и пока я не сдам экзамены или не найду невесту, дядьям и теткам из нашего рода придется немного потерпеть.

— Этим займусь я вместе с главой клана, а ты занимайся книгами и не морочь себе голову такими мелочами, — дедушка Хань улыбнулся, и в его глазах читалась безграничная вера в внука. — Я лишь молюсь, чтобы ты поскорее привел в наш дом добродетельного мужа.

...

Покончив с ужином и обсудив с дедушкой учебу в академии, Хань Чжан наконец обрел свободу и, вернувшись в комнату, зажег масляную лампу, чтобы углубиться в книги. Как гласит древняя мудрость: не накопив шагов, не пройдешь и тысячи ли. Он не мог гарантировать, что усердие гарантирует ему триумф в толпе экзаменующихся, но в учебе главное - это упорное накопление знаний. В конце концов, что бы ни случилось, начать учиться нужно прямо сейчас.

Изучив историю, он прекрасно понимал, как тяжело жилось простым людям в феодальные времена: низкий уровень жизни, полное отсутствие прав, и одно неловкое движение могло привести к тому, что какой-нибудь аристократ убьет тебя, а потом еще и будет возмущаться, что ты испортил ему настроение. В апокалипсисе ему, конечно, не хватало изысканной еды и одежды, но как правитель базы он жил в свое удовольствие, и возвращаться к жизни древнего простолюдина, где люди кишели в грязи и нищете, он категорически не желал. Ему нужно было выбиться наверх, во что бы то ни стало!

Только он сжал кулаки, решив покорить этот мир, как в дверь постучали. Снаружи слышались звонкие голоса:

— Старший брат!

— Старший братец!

— Двоюродный брат!

— Можно войти?

Это были младшие братья, сестры и гэры оригинала. По меркам деревни, где у каждой пары рождалось по четыре-пять детей, поколение внуков в семье Хань считалось довольно скромным, но для Хань Чжана, привыкшего к современности, эта орава казалась весьма внушительной. В сумме набиралось целых восемь детей.

Родители Хань Чжана произвели на свет троих: старшего Хань Цзиньчжана, второго Хань Циньняня и гэра Хань Дуна. У второго дяди и тети тоже было трое: старший Хань Циньфэн, второй Хань Циньвэнь и гэр Хань Цю. А третий дядя и тетя ограничились двумя дочерьми: старшей Хань Чунь и младшей Хань Ся. Возраст этих младших варьировался от пятнадцати до десяти лет.

— Заходите, — Хань Чжан отложил книгу, впуская ораву, и мягко спросил: — Что это вы так поздно к старшему брату пожаловали?

Оригинал был образцом благородного мужа, всегда вежливого и мягкого в обращении. Особенно трепетно он относился к семье, которая так много для него сделала, и, несмотря на колоссальное внутреннее давление, перед родными неизменно сохранял спокойствие и достоинство старшего сына и внука. Младшие же, в свою очередь, боготворили своего старшего брата.

Войдя в комнату, его родные братья, выступая в роли представителей, осторожно достали из-за пазухи маленький узелок и развязали его.

— Старший брат, ты так устаешь в академии, мы скопили денег и купили тебе подарок.

Хань Циньнянь гордо выпятил грудь:

— Кисти мы с вторым и третьим братом заработали тем, что ловили в горах фазанов и кроликов.

Хань Дан, подхватывая эстафету, добавил:

— А тушь мы с братом Цю, сестрами Чунь и Ся заработали, плетя шнурки.

Остальные, хором перебивая друг друга, затараторили:

— Старший брат, тебе нравится? Хозяин лавки сказал, что это лучшие кисти и тушь для ученых, они так удобно лежат в руке, что иероглифы получаются просто волшебными!

На их юных, еще по-детски пухлых лицах застыло ожидание похвалы, такое искреннее и трогательное. Взгляд Хань Чжана скользнул по их грубым, покрытым царапинами пальцам, по загорелым и худым щекам... И даже его, выдавшего виды и не склонного к сентиментальности, в груди вдруг защипало от внезапной кислоты. В современной жизни он был сиротой, и хотя директор и воспитатели в приюте относились к нему хорошо, из-за обилия детей эта забота была дозированной. Он никогда не знал такого теплого родства и такой дружной семейной атмосферы.

Хань Чжан по очереди растрепал волосы младшим, стараясь, чтобы в голосе звучала строгость, а не дрожащая нежность:

— Эти кисти и тушь отличного качества, они стоят не меньше двух лянов серебра, сколько же фазанов и кроликов вам пришлось поймать, сколько шнурков сплести, чтобы скопить такие деньги?

Его пальцы сжались, взгляд стал тяжелым, когда он продолжил:

— В горах водятся хищники, вы трое мальчишек постоянно тайком туда лазаете, неужели не боитесь, что вас утащит тигр или медведь?

Он перевел взгляд на девочек и гэров, слегка повысив голос:

— А вы, Дан и остальные, вечно плетете шнурки по ночам при свете лучины, если так глаза посадишь, как вы потом будете вышивать себе свадебные платья?

Нельзя было винить оригинала за его привязанность к родне, ведь, несмотря на тяжкое бремя возрождения семьи, они действительно любили его всей душой. Понимая, что старший брат просто беспокоится, младшие ничуть не обиделись на строгие слова.

— Старший брат так тяжело трудится, чтобы прославить наш род, а у нас нет таланта к учебе, мы можем только покупать ему кисти и тушь, — скромно потупившись, ответил Хань Циньнянь.
— Не волнуйся, старший брат, дедушка учил нас кулачному бою, мы ловим дичь только на заднем склоне, в глубь леса не заходим.

Хань Дан, сияя улыбкой, добавил:

— А когда старший брат добьется успеха, наши свадебные платья будут шить мастерицы из вышивальной мастерской, так что мы себя не перегрузим...

Они улыбались простодушными улыбками, и в их глазах читалось безграничное обожание к старшему брату. Хань Дан, повиснув на руке родного брата, весело щебетал:

— Старший брат, когда ты сдашь экзамены и станешь большим чиновником, я буду сыном чиновника, и даже если ослепну от плетения шнурков, люди все равно будут мне завидовать!

— Глупости, — Хань Чжан легонько стукнул шалуна по макушке. Покритиковав малышей и взяв с них слово больше не лазить в горы и не сидеть по ночам за рукоделием, он похвалил их за заботу и отпустил восвояси.

Оставшись один, он тяжело вздохнул. Оригиналу досталось тяжелое бремя надежд всего клана, но и остальные члены семьи Хань, разве они не жертвовали своими интересами и не выжимали из себя последние соки, чтобы изменить статус семьи? Размышляя о текущем положении, Хань Чжан почувствовал легкую грусть. Но очень скоро грустить ему перехотелось.

Благодаря своей сверхспособности, его слух теперь был в несколько раз острее, чем у обычного человека. И он отчетливо расслышал, как его младшие братья и сестры, только что проявившие такую трогательную заботу, столпились в углу и начали шептаться.

Хань Дан, выступая в роли представителя девочек и гэров, подозрительно прищурился:

— Второй брат, откуда у вас взялось серебро на кисти? Одна такая кисть стоит целый лян, вы что, опять обманули дурня из семьи богатого землевладельца?

Ее голос стал строже:

— Мы же вам говорили, не делайте этого, хватит! Сын-то у них дурень, а вот отец дурнем не является.

Хань Циньнянь тут же возмутился, разводя руками:

— ...Кто тут обманывает, разве мы на такое способны? Молодому господину Вану нравится слушать истории, вот мы и рассказываем ему разные пикантные подробности о его батюшке и невестке, он слушает с удовольствием и серебром награждает, все у нас честно и законно!

Расправившись с этим вопросом, он, в свою очередь, выступил от имени всех мужчин семьи:

— А с вашей тушью что за история? Она тоже не из дешевых, вы что, опять бежали морочить голову дурочке из семьи Вана?

Хань Дан тут же вспыхнула, топнув ногой:

— ...Что значит морочить? Разве мы на такое способны? Мы просто помогали барышне Ван следить за ее женихом, на днях поймали его на свидании с двоюродной сестрой, вот она нас и отблагодарила!

Обменявшись многозначительными взглядами, они пришли к единому выводу, что все они зарабатывали на жизнь тем, что стучали на других и получали деньги за молчание. Три мальчика и четыре девочки с герами переглянулись и синхронно ухмыльнулись с самым невинным видом.

Затем Хань Дан важно кашлянула:

— Ладно, это неважно, старший брат только что был растроган до глубины души, а когда он сдаст экзамены, то обязательно поможет нам найти хорошие партии.

Хань Циньнянь одобрительно закивал:

— У старшего брата только что глаза на мокром месте были, он точно запомнил нашу доброту, и когда его имя золотыми буквами выведут на доске почета, нам заживется просто роскошно.

— Точно-точно, старший брат самый крутой, теперь мы будем жить за его счет! — остальные закивали, как цыплята, мечтательно представляя себе прекрасное будущее, где они будут беззаботно сидеть на шее у старшего брата.

В комнате. Хань Чжан, невольный свидетель всей этой сцены, лишь молча моргнул.

Какие еще простые и честные дети? Целая труппа театралов!

<http://bllate.org/book/20159/2038566>